

Вячеслав Лейкин

Действующие лица

Вячеслав Лейкин
Действующие лица (сборник)

«Геликон Плюс»

2013

Лейкин В. А.

Действующие лица (сборник) / В. А. Лейкин — «Геликон Плюс»,
2013

Книга стихов «Действующие лица» состоит из семи частей или – если угодно – глав, примерно равных по объёму. В первой части – «Соцветья молодости дальней» – стихи, написанные преимущественно в 60-70-х годах прошлого столетия. Вторая часть – «Полевой сезон» – посвящена годам, отданным геологии. «Циклотрон» – несколько весьма разнохарактерных групп стихов, собранных в циклы. «Девяностые» – это стихи, написанные в 90-е годы, стихи, в той или иной мере иллюстрирующие эти нервные времена. Пятая часть с несколько игривым названием «Достаточно свободные стихи про что угодно» состоит только из верлибров. «Сюжеты» – эта глава представлена несколькими довольно многостроковыми стихами-историями. И наконец, в последней главе книги – «Счастлив поневоле» – собраны стихи, написанные уже в этом тысячелетии. Автору представляется, что именно в таком обличье и состоянии книга будет выглядеть достаточно цельной и не слишком утомительной для возможного читателя.

© Лейкин В. А., 2013

© Геликон Плюс, 2013

Содержание

«Иногда бывает просто необходимо – ну кровь из носа!..»	6
Соцветья молодости дальней	7
«Соцветья молодости нашей...»	7
«Ты хотел быть мулом, хотел быть преданным псом...»	8
«Не уповай. Себе дороже...»	9
Альтернатива	10
«Оставим надежду бездарным и нищим...»	11
Альборада	12
Останьтесь, прошу вас	13
«Годы зрелые мои слепнут...»	14
«О чём жалеть? О том, что не жил...»	15
«Кособокая сохнет осина...»	16
Кое-что о зависти	17
Голубь	18
Ноябрь	19
«Влагодарю, как небо и земля...»	20
«Среди прелестных кофточек и туфель...»	21
«Так в мире было мирно и просторно...»	22
«Всё, что пело, парило, клубилось...»	23
Гость	24
«Баламутило, мучило, пучило...»	26
Дачное утро	27
Осень	28
Песенка шута	29
Стихи к юбилею	30
Простая история	31
Лукоморье	32
Импрессия	33
Раздражённому читателю	34
Полевой сезон	36
Год шестьдесят четвёртый. Салехард	36
Полевой сезон	38
Прогулка по территории заброшенного женского лагеря	39
Комариное	40
Как мы плыли	41
Остров Преображения	43
Ждём самолёта	44
Полевое чтение в ненастную погоду	45
По грибы	46
Экспериментальный отряд	47
Отпуск геолога	48
Походная-отходная	49
Ундины	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вячеслав Лейкин

Действующие лица (сборник)

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

© Лейкин В., текст, 2013

© «Геликон Плюс», макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Иногда бывает просто необходимо – ну кровь из носа!..»

Иногда бывает просто необходимо – ну кровь из носа! —
Срочно освободиться от некоторого внутреннего нафталина.
И тогда возникает музыка, которой воистину нет износа,
И вся эта черно-белая, но такая Солнечная Долина.

Или вдруг замереть в какой-нибудь мелкой случайной нише.
Зайтись невпопад от любви к никому, от недоосознанного
смятенья,
Ощувив себя не во лбу, не в груди, а, допустим, несколько ниже,
В самом центре весьма запутанного, но такого солнечного
сплетенья.

Конец января. Начало дня. За окном замерзает ртуть.
Пытаюсь на завтрак в яичницу вбить остатки божьего дара.
За окном посиневшая птица норовит перестричь
мой жизненный путь,
Но я предпочел бы летом, пусть от внезапного,
но такого солнечного удара.

То есть скоро то ли в отстой, то ли в нетях неведомых парусить,
Разбросав кавычки, выйдя за скобки, сменив основную тему.
Но как на это решиться, когда просто некому поручить
Нашу маленькую, но такую солнечную систему.

Соцветья молодости дальней

«Соцветья молодости нашей...»

Соцветья молодости нашей
Невыразимо розовеют
На дне минувших сорока.
Общины дружеской монаший
Устав ни годы не завеют,
Ни сонных рыл окорока
Не занавесят. Боже правый,
Какой волнующей отравой
Нас угощают облака.

Соцветья молодости бедной,
Поныне ваш полынный запах
Пустую голову кружит,
Поныне дух парит над бездной,
Надежда на веселых лапах
За тенью облака кружит
И пропадает. Боже правый,
Как долог день золотоголовый,
Как время медленно спешит.

Соцветья молодости дальней,
Перегрызаю ваши стебли.
К теплу полуденных морей
Осенних странников печальней
Летите, вольные, над степью
Унылой зрелости моей.

февраль 1978

«Ты хотел быть мулом, хотел быть преданным псом...»

Ты хотел быть мулом, хотел быть преданным псом,
Сознавая, что твой удел – судьба ездвая,
И при этом ворочался на глубине, как сом,
И при этом порхал в листве, «ку-ку» издавая.

Ты пытался две жизни насмерть свинтить в одну,
И вот-вот бы сошлось, да куда-то пропала втулка.
Оттолкнулся, чтобы взлететь, и пошёл ко дну,
Отпер крышку ржавым гвоздём, да пуста шкатулка.

Ты старался быть первым даже там, где ты был один,
Не любил зеркал и порой, домогаясь чуда,
Тёр свой лоб, как медную лампу трёт Аладдин,
Но пока никаких чудес не извлёк оттуда.

Ты смеялся, а мир вокруг торговал и крал,
Ты плевал мне в лицо и стоял на ушах за краем.
И, возможно, ты победил, а я проиграл,
Но об этом при жизни ни ты, ни я не узнаем.

20 мая 1991

«Не уповай. Себе дороже...»

Мы ждём с томленьем упования...

А. С. П.

Не уповай. Себе дороже.
Не изводи себя до дрожи
Виденьем радужных колец.
Тем равнодушной будь и строже,
Чем вожденнее телец!

Не уповай и не завидуй,
Не холости себя обидой,
Предубеждением не жги.
Ни пустяком себя не выдай
Собранью праздной мелюзги.

Не уповай. На пепелище
Не возводи себе жилище,
Не бейся с нищим об заклад
И не ищи в духовной пище
Гастрономических усад.

А впрочем, обольщайся. Впрочем,
Надейся. Мы не опорочим
Твой поролоновый цветок,
Вот разве несколько отсрочим
Нравоучительный итог.

Интрига обернётся сплетней,
Речь станет глуше, но балетней,
И ты, воспряв над суетой,
Узришь, семидесятилетний,
Минуту вольности святой.

5.09.90

Альтернатива

Быть умнее дурака,
Благородней негодяя —
Так, немного погодя, я
Выйду в люди, а пока

Совершенствуюсь, расту,
Терпеливо примеряю —
С прощельгой потеряю,
С простаком приобрету.

Ни ступенек, ни перил,
Только ложь да угожденье —
Вот такое восхождение:
Кто кого передурил.

Стены лбом порастрясём,
Обскребёмся по сусекам;
Выйти в люди и при сём
Как остаться человеком?

«Оставим надежду бездарным и нищим...»

Оставим надежду бездарным и нищим.
Везде, где молились, наспим и нашкодим.
Была бы причина, а повод отыщем,
И время найдём, и за публикой сходим.

Играя то словом, то бронзовым телом,
Пойдём парусить в романтических далях.
Ведь главное: как это выглядит в целом.
Достойно? Тогда помолчим о деталях...

Слегка и нечасто, но мучает боль за
Бесцельно и прочее. Хочется крови.
Тому, кто вопит: «А где польза, мол, польза?!»
Распяты идёт, как бюстгальтер корове.

Ещё трепыхается ветхая слава,
Ан в тесной печи догорели поленья.
Осталась старинная рашен забава —
Печально глядеть на своё поколенья.

19.10.90

Альборада

Кто является с приветом, входит с бодрым пируэтом,
Тем намеренно перевран праздный умысел зари.
Впрочем, главное, проснуться и скомандовать предметам:
– Сыр, делись! Кофейник, булькай! Галатея, отомри!

Кто с утра летит, как скорый, на ходу продув сифоны,
У того во лбу ни пяди, вечный обморок души.
Всем завещано от века лечь на перси Персефоны,
Но спеши неторопливо и природу не смеси.

Кто настаивал на травах это солнечное зелье,
Тот заквасил ненароком эту оторопь в груди...
Не успеешь растеряться, как уже и новоселье.
А пока – быстрое, меркни, невозможное, гряди.

27.10.92

Останьтесь, прошу вас

Здесь воздух облипает, здесь небо цвета сала,
Резина разговора здесь кажется тугой,
Здесь Золушка, беспечно сорвавшаяся с бала,
Влетает под автобус бесценною ногой.
А там такие краски – глазами бы питался,
Такие перезвоны – ушами бы дышал.
Коварный Румпельштильцхен там перевоспитался
И детовымоганью отчаянно мешал.
Здесь куры обучают булыжники пареню,
Здесь жаба предлагает улыбки эталон,
Здесь хлещут Белоснежку персидскою сиреню,
Чтоб впредь не появлялась в лесу без панталон.
А там веселья лица расписаны румянцем,
Наполнены бокалы павлиньим молоком,
Там даже К. Бессмертный стал вегетарианцем:
Ест репу, бога ищет и ходит босиком.
Здесь меркнет золотое, багровое сереет,
Здесь тонкое не лезет, горячее не жжёт,
Лысеет Лорелея, Дюймовочка звереет,
Пузатый Мальчик-с-пальчик в президиумах лжёт.
А там и горе слаще, и старость там моложе,
И честность там дороже, и праведнее честь.
И всё же оставайтесь, не уезжайте всё же.
Поверьте, есть надежда, ещё надежда есть.

декабрь 1978

«Годы зрелые мои слепнут...»

Годы зрелые мои слепнут.
Речи долгие мои сякнут.
Громыкает в голове эхо,
А в бумагах благодать – тихо.

Так ли надо ли, не так? Сваи
Забивать или крушить сферу?
Серафима ли крестить, боже?
Волкодаву ли продать душу?

Воды светлые мои слепнут,
Печи пылкие мои тухнут —
Не скую, не испеку чуда
На серебряном огне крови.

Так ли надо ли, не так? Стаи
Провожать? Или не так – сваи
Забивать? Или продать душу?
Или небо растрепать в клочья?

17 декабря 1978

«О чём жалеть? О том, что не жил...»

О чём жалеть? О том, что не жил,
Как люди добрые окрест?
Что душу бешеную нежил
Охотой к перемене мест?

Что бубенцовый благовест
Меня не вовремя мятежил?
Что процыганил, проманежил
И честь, и молодость, и крест?

Приятель время торопил,
Долбил колоду, что твой дятел,
А я задёшево купил
И не заметил, как растратил.

Однако жив. Блажен почти.
Поди-ка, дни мои сочти.

сентябрь 1980

«Кособокая сохнет осина...»

Кособокая сохнет осина
По новом Иуде.
Развращение блудного сына
Отнюдь не во блюде.

Светоч хил. Дефицит керосина
Свергает твердыни.
Развращение блудного сына
В наивной гордыне,

Помещающей всякую веру
В тенета интима.
Дурно скопом насиловать сферу
И недопустимо.

То есть сфера, возможно, едина,
Но блудный потомок
Выбирает стезю паладина
И трепет потёмок.

Не имея, не моя, не брея,
Условный, как веха.
И ни грека в нём нет, ни еврея,
Ни горя, ни смеха.

Кое-что о зависти

Не помню, кому я завидовал и когда,
Но было. Во лбу пламенело. В аорте стыло.
Зависть – она, очевидно, тем и горда,
Что, обернувшись, видишь зашедшие с тыла

Возможности, шансы, не урванные тобой.
И это твоё неименно, твои потери.
Пока ты угрюмо дул в свой сиплый гобой,
Собратья твои наперебой потели,

Чтоб выиметь славу с листа. Но зависть остра,
А здесь просто некуда деться от жирных пятен,
Оставленных скукой. И краткость не им сестра,
А тем, кто и рад бы успеть, да восторг невнятен.

Но было. Ведь ясно помню желчную слизь.
Слепым не завидовал. Мертвым? Безумным? Детям?
Уставшие верить, возможно, тем и спаслись,
Что всех ревновали ко всем! Занятиям этим

Почти что мистическим нет ни конца, ни дна,
Покуда архангелы не перекроют краник.
Но ты понимал, что планида твой бедна,
И грыз в одиночестве свой непечатный пряник.

Не крался, не рвался вперёд, не брёл по пятам.
Зато и держался с собою на равных. Зато хоть
Себя разумел. А завидовал только котам,
Всегда одинаково чущим охоту и похоть.

21.01.92

Голубь

Не тень крыла, а вымысел крыла.
Не сытая, кичливая походка,
Не злое бормотанье вдоль карниза,
Не испещрённый калом император,
А лишь пера под ветром содроганье,
Коротенькие веточки следов
Да тень крыла, нет, вымысел крыла,
Забавный очерк детского рисунка
И неба незастроенные своды,
Где глубь, голубизна и голубь свиты
В едину суть...
Ты Ноя обнадёжил,
Мадонне дал благую весть о сыне.
А ныне что ж?
Ты пакостишь, голубчик,
Ты занят крохоборством, ты заносчив
И неучтив, и солнечные пятна
Не от тебя, как мы предполагали
Тысячелетье прежде, замечая
Не тень крыла, а вымысел крыла.

июль – сентябрь 1979

Ноябрь

На заглохшем с июля барометре полная сушь.
Водоводы и щели сошлись в си-минорной токкате.
На случайно застрявшем в сознание рекламном плакате
Весь в павлинах и пальмах маячит неурванный куш.

Месяц казней египетских, месяц задроченных душ,
Ощувивших себя приложением, скажем, к простате.
Спотыкаешься жить, зарекаешься братья за гуж,
Понимаешь, что всё, что ты понял, ты понял некстати.

Безмятежный и полый, как в бурном апреле вода,
Стал вот именно – полым; пустые тряся невода,
Заводная фортушка неведомо что затевает.

Утро вечера гаже... И вдруг сквозь лазурный пролом
Невозможная птица летит, задевая крылом
Некий остов незримый. И видно, что да – задевает.

16.11. 2006

«Влагодарю, как небо и земля...»

Влагодарю, как небо и земля,
И головы, и крыши, и кресты,
И кроны птицегласые стволов,
И парка окустелую печаль,
И берега утравленную дикость.
Влагодарю молчанье соловья,
Осоловелый пересмех скворца,
Скворчащее потрескиванье дятла.
Деревья – вы, я вас влагодарю:
Елею, вязну, обрезаваю;
Каштану в день рождения ношу
Подсвечники;
кудели тополиной
Ношу невероятное бельё;
Над ивой, как над женщиной, смеюсь
И в липы, как в истории, влипаю...
Осина, повернись, ещё, ещё,
Достаточно.
Взгляните, господа,
Вот это руки, вот, взгляните, локти,
Вот пальцы. Да, их много – но ведь это
Не человек, а дерево.
Взгляните —
Вот левый глаз, вот правый – обратите
Внимание на левый – он моргает.
Не правда ли?
Взгляните, господа,
Вот бедра, вот влагалище дупла,
Одна нога – но это ведь осина,
Зачем ей две?
Ей некуда спешить.

3 октября 1978

«Среди прелестных кофточек и туфель...»

Среди прелестных кофточек и туфель,
Уютных брюк, прозрачных комбинаций
Из ничего; среди завали продуктов —
Сыров, жиров, колбас, окороков —
Вдруг на прилавки выкинули солнце,
В честь юбилея выбросили солнце,
Беспечное, сияющее солнце,
Возможно, импорт (кажется, Brasile).

Сначала все опешили немного:
Как продавать – на литры или метры?
Кто будет брать и как с ним обращаться?
Ведь солнце не наденешь и не съешь...
Потом схватились, выставили толпы,
Давай хватать на литры и на метры
(Когда-нибудь и солнце пригодится,
К тому же импорт, кажется, Brasile).

А к вечеру уже не стало солнца.
Ещё клевали голуби осколки,
И продавцы горячими руками
Ссыпали в урны солнечную пыль.
Кто закупил его? Домохозяйки,
Фарцовщики – на случай оборота,
Пенсионеры – на предмет леченья,
Художник (надо срочно тратить деньги!),
Поэт – затем, чтоб вставить в левый глаз.

И только детям не досталось солнца,
И работягам не досталось солнца,
Всем, кто был занят днём, не вышло солнца,
Беспечного, сияющего солнца,
Помеченного надписью «Brasile»...
Одни, привычно побухтев, уймутся,
Другие вместо солнца выпьют водки,
И лишь поэт пойдёт гулять по крышам,
Нахально вставив солнце в левый глаз.

«Так в мире было мирно и просторно...»

Так в мире было мирно и просторно,
Идеи звонки, а стихи грустны,
Когда придумал кто-то из Бостона
Записывать на киноплёнку сны.

Отбросив страхи, щепетильность, гонор,
Едва ему пообещали мзду,
Под аппарат улёгся первый донор —
Наспал аляповатую бурду.

Процесс усовершенствовали. Дали
Испить мудреных снадобий. А там
С людей снимать такие ленты стали,
Что прошлое кино пошло к чертям.

Невнятные, задавленные чувства,
Тщеславье, похоть вырвали из тьмы...
Так появилось страшное искусство,
Которое предполагали мы.

Парадоксальный мир оживших теней
Давал любому шансы на успех.
Так это что ж? Выходит, каждый – гений?!
Ведь сны – они талантливы у всех.

Сюжеты пёрли, громоздились, чахли.
Спать стало крайне выгодным давно.
А где-то близ Лозанны старый Чаплин
Снимал свое последнее кино.

«Всё, что пело, парило, клубилось...»

Всё, что пело, парило, клубилось,
Впопыхах жизнерадостно билось,
Постепенно стерпелось, слюбилось,
И зима покатила в глаза.
– Как, – спросил я Незримого Старца, —
Убедиться, что мне, может статься,
Не дано в залазурье пластаться,
Где медвяная зреет лоза?
Но Незримый, бестрепетно светел,
Ничего, как всегда, не ответил,
Только вол кукарекнул, как петел,
Да слегка потекли тормоза.

Всё, что трогало, всё, что ласкало,
Пустоту на свету полоскало,
Всё, что душу пекло в пол-оскала,
Застеклило дыханье зимы.
– Почему, – я спросил с укоризной
У звезды равнодушно-капризной, —
Почему завершается тризной
Всякий раз постижение тьмы?
И опять никакого ответа,
Словно что-то заклинило где-то.
Только вдруг поползли из кювета
Земноводные цвета чумы.

Всё, что жгло, хохотало, хотело,
Что летело с горы оголтело,
Обратилось в зальделое тело,
И повсюду раздались часы.
– Почему остаётся тоска нам?
Я спросил чудака со стаканом.
Он шарахнул, загрыз тараканом
И лениво ответил: «Не ссы».

12.11.91

Гость

Дневных занятий произвол
Исчерпан был вполне.
День пал, и вечер произвёл,
И тьму зажёл в окне.

Выл домовый среди стропил,
И леший причитал.
Кто спал, кто пел, кто печь топил.
Я, например, читал.

И вдруг дверей визгливый скрип,
И мы глядим втроём,
Как некрасивый, грязный тип
Буквально влип в проём.

Он пах, как падаль жарким днём,
Как человеческий срам,
Но сила тьмы клубилась в нём,
Дом обращая в храм.

Проснулся тот, который спал,
Сказал: – Вот это сон!
Эй, ты, орясина, шакал,
Пошёл отсюда вон!

Гость обнаружил дёсны. Смрад
Стал много тяжелей.
– Налей. Мне что-то плохо, брат. —
И повторил: – Налей.

Метался вой среди стропил
И снег сырой валил.
Один курил, другой топил.
Я, например, налил.

Он выпил зелье в два глотка,
Засодрогался вслед.
– Горька, – сказал, – а как сладка.
И вышел. И привет.

Февраль на крыше бесов пас
И снег валил сырой.
– Больной, – сказал один из нас,
– Шакал, – сказал второй.

– Счастливец, – третий произнёс, —
Он знает в жизни толк.
Вот так и надо: на износ,
Навскидку... – и умолк.

– Так пей, – сказал ему не я,
А тот, что прежде спал, —
И будешь рыло и свинья,
Покуда не пропал.

Пей и торчи из всех прорех
И носом землю рой...
– А кстати, выпить бы не грех, —
Сказал тогда второй.

– Тут разговоров на сто лет,
Не спор, а костолом...
И вот бутылка на столе,
И люди за столом,

И каждый взял по колбасе
И «будем!» возопил
И залудили. Но не все.
Я, например, не пил.

«Баламутило, мучило, пучило...»

Баламутило, мучило, пучило,
Клокотало, корёжило, жгло,
Остогрызло, обрыдло, наскучило
То, чем жил он, что так ему шло.
В голове свиристело и пукало,
Барабанило в левом боку,
А возлюбленной пухлое пугало
Громоздило «ко-ко» на «ку-ку».
Вылез некто мохнатый из телека,
Сел напротив и начал лиять.
– Что за чушь! – он подумал. – Истерика.
Надо, видимо, что-то менять.
Сей же миг устремясь к равновесию,
Корректируя душу свою,
Для начала сменил он профессию,
Поменял трудовую семью.
За стеной доремикали режущие,
Ниже резались в крик в домино.
Поразмыслив, сменил он убежище
И район поменял заодно.
Где добром, где прибегнув к насилию,
Где продуманно, где на авось,
Он друзей поменял и фамилию,
Даже брата сменить удалось.
Из возлюбленной выделал чучело
И прислушался. Нет, не ушло:
Баламутило, мучило, пучило,
Клокотало, корёжило, жгло.

Дачное утро

Карабкается утро по стволам,
Скользит по фиолетовым обрывам,
Спешит и в настроении игривом
Устраивает праздничный бедлам.

На грядке появляется старик.
Он поощряет луковые всходы.
Набором бодрых цифр бюро погоды
Дублирует восход и птичий крик.

Залив едва волнуется. Песок
Томительно исходит лёгким паром.
В двенадцать открывающимся баром
Манит благоустроенный мысок.

Ребёнок ловит бабушку сачком,
Голубоглазый бомж бутылки ищет.
А позади кафе трещит и свищет
Соловушка над мусорным бачком.

25 мая 1976

Осень

Листопад, листожор, листобой,
Завтра золото станет золой.
То же самое будет с тобой,
С головой твоей, шумной и злой.

Намагниченным рваным углом
Перемётные птицы уйдут.
Бей им вслед обветшалым челом —
Сдан редут, и огарок задут.

Это край – омертвление жил,
Склеротический клёкот в груди,
И досада – неправильно жил,
И засада, куда ни пойдя.

Это пепел на дне очага,
Нищеты продувная сума.
В створках век оплывут жемчуга
И зачахнут. И будет зима.

Снегопад, снеговей, снегостой,
Голубые летейские льды.
Даль чернеет, и берег пустой,
И следы. Слава богу, следы.

Песенка шута

Обогреваю белый свет,
Смеюсь, обозревая
То липы цвет, то рыбий след,
То потроха трамвая.
Когда компания сыта,
Она предпочитает
Не лиру – бубенцы шута,
Шута вам не хватает.
Я вместо ужина стучу
Зубами по железу,
Затем по лунному лучу
На четвереньках лезу.
Вас огорчает темнота.
А я твержу: – Светает!
Не верьте, смейтесь. Но шута,
Шута вам не хватает.
Меня корят, что я не горд,
Что взял в Пегасы клячу,
А я дурачусь круглый год
И всех вокруг дурачу.
Камзол мой драный нищета
Куплетами латает.
А вы торопите: шута,
Шута вам не хватает.
Но я ужасно устаю
От этой глупой роли.
Возможно, нынче я даю
Последние гастроли.
Бежит вода из решета,
Снег на губах не тает,
И вдруг поймете вы: шута,
Шута вам не хватает.

24 ноября 1975

Стихи к юбилею

Мужчины в двадцать – петухи,
Казарменная прыть:
Подратся, поорать стихи,
Курей поперекрыть.
Мужчины в тридцать – рысаки:
Труха из-под копыт,
Покуда ставки высоки,
Покуда кровь кипит.
Мужчины в сорок лет – орлы:
Предельна высота,
Но достаёт верней стрелы
Предательство крота.
А в пятьдесят мужчины – львы:
Мудры, видны собой.
Конечно, кое-что увы,
Но кое-что трубой.
Помехи, плюхи – чепуха,
Совмещены пока
Неукротимость петуха
С упрямством рысака.
С незащищённостью орла
Невозмутимость льва...
Живи, пока идут дела,
Пока душа жива.
А отвернёт Фортуна грудь,
Бери её с торца,
И до конца мужчиной будь,
До звёздного кольца!

Простая история

*История эта не нова,
Так было во все времена...*

Г. Гейне

Они полюбили друг друга, как водится, с первого взгляда.
В известных затеях прошло примерно четыре месяца.
На пятом он узнаёт, что она на пятом. Угрозу чада
Воспринимает словно в чаду. Потягивает повеситься.

Потому что он был ещё молодой, но ещё порядочный,
А у порядочных ежели что – принято было жениться.
Но подобная перспектива ему не казалась радужной,
Проще, пожалуй, покаяться и, как следствие, извиниться...

Немного привычной игры, живого воображеньица,
И всё, и готово: бойкий стишок ложится в пухлую папку.
Но вы увлеклись, вам хочется знать, женится или не женится,
Вам жаль бедолагу: молод, горяч, ну, перегнул палку.

Всё в полном ажуре: рука испрошена, кинжал попритёрли
к ножнам...
Её положению и собственной чести вот именно потакая...
Положение, впрочем, оказалось не столь интересным
и даже попросту ложным.
Это бывает. На нервной почве. А она у нас вся такая.

1972

Лукоморье

Деревянный Буратино, оловянный Дровосек,
И соломенный Страшила, и хрустальный башмачок.
Кто-то всех переумаял, кто-то мается за всех,
Скачет в сумерках по кругу вечный Беленький Бычок.

Пахнет мёдом Белоснежка, чахнет худенький Кашей,
Вновь старушку Гдежекружку на побаски повело,
Наплели, нагородили, наскребли из-под мощей,
Бац, а мы уже не дети. А не верить тяжело.

Справа база, слева баня, посреди пивной ларёк,
Кувыркнувшись на прощанье, солнце скрылось за углом.
Мне навстречу ковыляет дрессированный хорёк,
В небе бабушка порхает, управляясь помелом.

Там козёл на курьих ножках, здесь молочная река.
Пеший Леший сушит лапти на кисельном берегу...
То ли в бога, то ли в душу семенит моя тоска,
Пью, кую, кукую, каюсь – уберечься не могу.

1972

Импрессия

Небо, покрытое тучами, – всё-таки небо.
Дворцы, пропахшие щами, – всё же дворцы.
Унылый самоубийца с лицом пожилого Феба
Ко всем пристаёт с вопросом:
– Кому тут отдать концы?

Пальто, покрытое пятнами, всё-таки нечто.
Бульвар, усеянный лужами, всё-таки путь.
– Ложись, – говорю, – и жди.
– Да некуда лечь-то.
– Тогда, – говорю, – ступай.
– Ещё, – говорю, – побудь.

Деньги, которых нет, всё же воспоминание.
Хочешь, возьми кредит. Хочешь, в кулак свисти.
– Сгинь, – говорю, – уйди.
Имей, наконец, понимание.
Зачем мне твои концы?
Своих никак не свести.

1970

Раздражённому читателю

«...А вместо дубины дубовая лира, —
Читатель вздохнул и добавил тревожно: —
С таким, как у вас, ощущением мира
Не только писать – и дышать невозможно.

Судите, планета на грани распада,
Познание и правда в руках изувера,
Сегодня, поймите, особенно надо,
Чтоб нас окрыляли надежда и вера.

Не ретроскулёж, не пустые молебны,
Не сонные оды, не вялые глоссы.
Сегодня искусства должны быть служебны.
Явите нам Слово, ведь мы безголосы...»

А мне-то мерещился спазм восхищенья:
Мол, музыка крови, мол, эхо эпохи.
И я погрузился в свои ощущенья,
Пытаясь понять, почему они плохи...

В грядущем кривляется призрак былого —
Мигнёт, и затмится, и снова поманит.
Ну где я найду это самое Слово?
А тот, кто найдёт, непременно обманет.

Пусть горло им садит пророческий клёкот,
Глазницы сжигает священная влага.
Планета в порядке, и автор далёк от
Желанья пыланья на общее благо...

В природе апрель. Наполняемся светом,
И млеем, и блеем, и вот уже следом
К нам в сени врывается птица с приветом —
Пора со двора по Данаям и Ледам.

Позорно шалея, плыву по аллее,
Березы кусая за горькие почки.
А запахи прыщут – куды бакалее,
И всюду голодных юнцов заморочки.

И музыка праздна, и Муза капризна,
И чайчьи клики, и заячьи блики, —
Так нешто вдомяк мне твоя укоризна,
Мой верный читатель, как совесть, безликий.

И мне не судья ни потомок, ни предок —
Я каждой строкою сей статус упрочу.
А быть катаклизму, авось напоследок
Тебя посмешу, похмелю, поморочу.

Апрель 1984

Полевой сезон

Год шестьдесят четвёртый. Салехард

Не то чтобы четырёхстопный ямб
Мне надоел, как некогда поэту,
Но сам размер предполагает штамп.
Вкушать литературную диету
Под мерное потрескиванье ламп
Легко и даже весело. Но эту
Оказию затеять самому —
Помилуй бог. Ни сердцу, ни уму.

Вот почему в очередной присест
Хочу, не мародёрствуя лукаво,
Отставить в угол добровольный крест
И ощутить волнующее право
На позу, на амбицию, на жест,
На прихоть рассуждать легко и здраво
О пустяках, на автодифирамб,
На недоступный пятистопный ямб.

Почистив перья, водрузив пенсне,
Начнём невдруг вывязыванье петель
Причудливо и плавно, как во сне,
Вплетая то порок, то добродетель.
Однако речь пойдёт не обо мне,
А лишь о том, чему я был свидетель.
Тряхнём колоду. На одной из карт
Год шестьдесят четвёртый. Салехард.

Когда бы о себе, совсем иной
Пошёл бы слог. Вися, как кот на шторе,
На кукольной основе нитяной,
Иль гоголем гуляя на просторе,
Я б начал так: в системе нефтяной
В одной геологической конторе,
С гастритом чередуя геморрой,
Служил наш жизнерадостный герой.

Иронии дремучую змею
Он безуспешно скрещивал с Пегасом.
Вставал между семью и восемью.
Ложился между полночью и часом.
Слегка терроризировал семью,
Считавшую героя пустоплясом.

А впрочем, был наш кадр и бодр, и щедр.
И цвёл на ниве освоенья недр.

Две трети года он влачил свой крест
По адресу Литейный, тридцать девять,
Входя в тот запараженный подъезд,
По свалке у которого содеять
Сумел Некрасов за один присест
Строк триста размышлений и посеять
Разумное и вечное зерно
В общественном сознании. Оно

Сплодоносило позже, чтобы дать
Всем равные возможности. Короче,
Две трети года тишь да благодать
В конторе на Литейном. Дни и ночи
Летят, неразличимы. Совладать
Когда уже совсем не станет мочи
С морокой безысходности, тогда
Вдруг наступает летняя страда.

И ты, как кот, стремишься на газон,
Как птица, распускаешь хвост фазаний,
И ты поёшь и свищешь, как Кобзон,
И всюду повод ищешь для лобзаний,
И наступает полевой сезон,
И миллион бессмысленных терзаний
Тебе не в кайф. И, предвкушая фарт,
Ты едешь в чудный город Салехард.

А там собранье милых сердцу морд,
И вечный день, и спирт за шесть с полтиной.
И вот тебя уносит гидроборт,
И ты летишь и тешишься картиной
Опывшей прорвы. Комариных орд
Ещё не ощущая и утиной
В зубах ещё не чувствуя ноги,
Уже ты бог. И в голове круги.

Долги, разборки, сплетни – на потом,
Покуда дурака не отвалю.
Всё в настоящем. Прошлое – фантом.
А там все вены вам поотворяю.
Но, впрочем, речь не обо мне, о том,
Чему я был свидетель. Повторяю,
Входя в повествовательный азарт:
Год шестьдесят четвёртый. Салехард.

Полевой сезон (п-ов Ямал, р. Юрибей)

Куда мы едем и где мы будем,
Кому поверим, кого оплачем?
Наш выход беден. Средь серых буден
Мы равнодушны к чужим удачам.

На Север правим, ругая Север,
Теплом домашним ночами бредим.
Мы сталь не плавим, зерно не сеем.
Мы только ходим, немножко едем.

Уклад наш прочен, оклад на диво.
Нас не обидит начальство наше.
И, между прочим, мы любим пиво,
И, если честно, не любим каши.

И нас, пожалуй, встревожить нечем.
Скитанья наши не пахнут Грином.
Свои печали мгновенно лечим
Синтомицином и анальгином.

Согреют жены, привяжут дети,
Но в домоседов не превратимся...
Вот так мы долго живём на свете,
И никогда мы не прекратимся.

Прогулка по территории заброшенного женского лагеря (пос. Ермаково на Енисее)

Вот оно – царство Спящей Красавицы.
Глухая трава подмышек касается,
А я ведь не так уж и мал.
Скажем, крапива – уснувшая стража.
А вот паутина – уснувшая пряжа
В руках у заснувших мам.

Но всё это в общем не так уж и мило.
Грызёт любопытство, а надо бы мимо...
Свободен – войду и уйду.
Незваного гостя обнюхают сонно
Бараки – людьми позабытая зона
В полсотни каком-то году.

В бараке орудуют наглые мышки,
Ворона сурово маячит на вышке,
Зажав под крылом автомат.
В сортире смороды пахучие листья
И надписи: «Девочки, скоро амнистия!»
А ниже: «Дождёшься» и мат.

Железный маршрут – Лабытнанги – Игарка,
Железный режим – человек и овчарка.
Там всё было ясно суду.
Не люди – железо, не бабы – а зэки...
Иные, должно быть, уснули навеки
В полсотни каком-то году...

Порхает по сцене принцесса Аврора,
Уже приключилась с волшебницей ссора,
Осталось найти остриё.
Сюда бы её до начала сезона —
Сто лет бы ей снилась барачная зона,
Проклятое царство её.

Комариное (р. Кыпа – Печаль – Кы)

Комары озверели. Мильонным роем,
Оглашая палатку ужасным воем,
Впивались в лучшие части тела.
Комариная тема – главная тема.

Кто-то сказал, что среди комаров
Только самки кусают и пьют нашу кровь.
Только самки... Скребя по распухшей внешности,
Я вспомнил тебя. Но уже без нежности.

Как мы плыли (р. Лонготъеган, Полярный Урал)

Укусы мошки горят на губах,
Как поцелуи врага.
Привычно мечтая о вкусных грибах.
Олени чешут рога.

Солнца нет и быть не должно.
Откуда ему быть.
Сыро, тепло, насекомо, темно
И долго ещё плыть.

Наш главный был мрачен и, кажется, нем,
И нос его цвёл, как заря.
Тогда появилось слово «зачем»,
И следом за ним – «зря».

Зачем мы плывём по этой реке?
Зачем нас едят и пьют?
А где-то огни. Там царит этикет.
Там благоденствует плут.

Зря мы плывем. Никому ни к чему
Трудные наши труды.
А главный молчал и смотрел во тьму,
И пар валил от воды.

Когда мы пришли через тысячу лет
Туда, где конец пути,
То перед тем, как взорвать этикет,
Мы буху сказали: «Плати!»

Бух разделил нам пузатый пакет:
Впору друг друга купить.
Но перед тем, как вернуть этикет,
Мы отправились пить.

Мы пили за каждый стотысячный лист,
За каждый неверный шаг.
А главный вдруг оказался речист,
И главный сказал так:

«Налейте мне из того пузыря,
И не стоит трясти тряпьём.
Не знаю, возможно, мы плавали зря,
А может, и нет. Взопьём».

Мы чуть не сожрали его живьём,
А нос его цвёл, как заря.
И кто-то сказал: «Зачем живем?»
И никто не сказал: «Зря».

Остров Преображения (море Лаптевых)

Полярный мак в четыре лепестка,
Полярный день, полярное сиянье,
Свиристая полярная тоска,
Которую не скроют возлиянья
Ни излиянья в обществе, давно
Установившем призрачный порядок:
Тяжёлый сон, повторное кино
И максимум душевных неполадок.
Коверкая нормальные слова,
Всему давать дурное толкованье.
Вот так мы населяем острова —
Используя себя до основанья.

Полярный круг, почти как знойный юг,
А знойный юг – литературный трюк.
Твой верный друг тебе не верит вдруг.
Свободных женщин не найти вокруг
За сотню островов. Твоя жена
Отсутствием твоим поражена
Была недолго: не ее вина,
Что Север, как Великая Стена,
Вас разделил... Нам надо уходить —
Нас только север может охладить!
Что пользы за газетами следить,
Потомков незначительных плодить?
Иная бесконечность нам в удел —
Чтоб ветер в мачтах домика гудел,
Чтоб толстый капитан Севморпути
Нам руки жал и всё не мог уйти!..

Полярный мак. Полярная сова.
Полярное медлительное море.
Вот так мы обживаем острова,
Завысив цену самой мелкой ссоре.
Весь мир возненавидя, вдруг замри,
С ним обрета высокое слиянье!
Два обелиска на краю земли
И вечное полярное сиянье...

Ждём самолёта (р. Агапа, Таймыр)

Прогулки по косе с отсутствующим видом,
Спряжение своих неправильных знакомых,
Катанье на пустой двухсотлитровой бочке
И худший преферанс из тех, что я играл.

Насторожённый слух – гудит? – но это ветер,
Усталые глаза – летит? – но это птица...
Тяжёлая, как ложь, тупая неизвестность.
Ждём самолёта. Дни похожи, как рабы.

Кругом не видно птиц – нелётная погода,
Свинцовый небосвод сулит Атланту грыжу
И длинный-длинный дождь в сто тысяч километров...
Ждём самолёта. Бог играет на трубе.

Всегда чего-то ждёшь: победы или смерти,
Субботы или сна, свиданья, дня рожденья.
Гуляешь вдоль витрин или сидишь на стуле
И смотришь на часы, в окно или в глаза.

И нету никого, и время истекает,
На мельнице скрипят тяжёлые колёса,
И сонная река – Агапа или Лета.
Ждём самолёта. Пьют и не хотят лететь.

Весь мир про нас забыл, как будто мы китайцы,
Как будто мы – пустяк от полумиллиарда.
Пять доблестных мужчин – мужей и сослуживцев —
Ждём самолёта. Речь становится темней.

Но так уж повелось: в момент его прилёта
Всё мелкое простить, и весело грузиться,
И глубоко курить и, тыкаясь в окошки,
Планету обсуждать, плывущую внизу.

Всему приходит срок! В любом заштатном клубе
Мы сможем дать концерт квинтета оптимистов,
А в письмах всё наврём, оставив только даты.
Ждём... Самый молодой пытается взлететь.

1968

Полевое чтение в ненастную погоду (р. Надым)

Хоть каплю радости. Три капли перед сном.
Хоть ложку мёда к утреннему дёгтю.
Ещё один журнал перелистнём —
Очередной кошмар расправит когти:

Усталый секс, докучливый разбой,
И ни кусочка радости, прощаясь.
Как ржавый винт с испорченной резьбой,
В своем собачьем спальнике вращаюсь.

Придумать радость, кажется, пустяк:
Беспечный стих с запутанной концовкой,
Кусочек солнца, стойка на кистях,
Ушибы замалюем марганцовкой,

Напишем струйкой на песке «дурак»,
В цветах жуки, под каждым камнем тайны...
Темно. Погода – дрянь. Палатка – брак.
Воспоминанья сумрачно детальны.

Сыреют спички. Плесневевает снедь.
В романах психи, плуты, проститутки.
Всё можно сочинить: любовь и смерть.
И только радость не придумать. Дудки.

По грибы (р. Худосей)

Ведром громыхая, бреду меж грибов,
Гребу их ведром, я сегодня с добычей.
А сам наблюдаю грибную любовь,
Грибную вражду и грибные обычаи.

Семейка грибов – от восторга охрип.
Взгляните, как живо их шляпки рябят.
Вот папа – солидный потомственный гриб.
Вот мама. А рядом ватага грибят.

У папы полшляпы в загадочных шрамах.
А шляпка у мамы чуть сдвинута набок.
А вы полюбуйте на маленьких самых —
Нет краше их сизых упитанных лапок.

А что за пижонки резвятся в сторонке?
Кричащие шляпки с вуальками, брошками?..
Поганки-грибы, как людские подонки,
Отчаянно пёстрые с хилыми ножками.

Грибы, словно люди, – вот общий итог.
От сходства порою становится зябко.
И пусть у грибов чуть поменьше ног,
Зато у людей не у каждого шляпка.

**Экспериментальный отряд
(Геолог – и начальник – Е. Герман, техник – и
сочинитель – В. Лейкин, мл. техник – и художник –
В. Емельянов, рабочий – и актёр – С. Мучеников;
река Педерата, Полярный Урал. Июль 1965 года)**

Уж вечер. В очаге трещат дрова.
Две копылухи преют в казане.
Колышется пожухлая трава.
Начальник спит и чешется во сне.

С Губы несёт какую-то чуму,
Которая окажется дождём,
Который нам, пожалуй, ни к чему,
А впрочем, перетерпим, переждём.

Корысть не в масть, и прыть не по годам,
И выпренные споры о стряпне,
И так нелеп за неименьем дам
Букет жарков на лиственничном пне.

И чем попало по сердцу скребя,
И не сказать, что всё осталось там,
И узнавать в желающих себя,
И уставать от неименя дам.

Художник развращает комаров,
Поэт рифмует клипер и мозоль,
Актёр поносит худший из миров:
Он перепутал манную и соль.

Суббота прислоняется к среде,
Планета стала плоской от жары.
Всё очень просто: крошки в бороде.
Материя первична. Комары.

Отпуск геолога (Пос. Архипо-Осиповка)

Прекрасно засыпать под гул прибоя,
Смешать свое неровное дыхание
С дыханием искаленной земли
И знать, что утро будет голубое,
И будет день, и неба полыханье,
И старая шаланда на мели.

Причудливо раздетые студенты
Придут сюда искать цветные камни
И незнакомых девушек любить.
Подробности давнишней киноленты,
Полузабытых образов мельканье
И ничего, чего не может быть.

Кровь медленно стекает по аорте,
Упёрлись в небо розовые пятки...
Не требуем и не даем займы.
Мы заслужили отдых на курорте.
Дни наших лет беспомощны и кратки.
Мы всё сильнее не хотим зимы.

Довериться разумному прибою,
Вздыхая в унисон печальным думам
Не внять, о чём, и невдомёк, о ком.
А ночь Обскою явится Губою,
Уснувшим на косе рыбацким чумом
И круглым неулыбчивым щенком.

Походная-отходная (междуречье Пура и Часельки)

Всё болото, болото, болото,
Восемнадцатый день болото.
Мы бредём, отсырели от пота,
Что ж поделать, такая работа.

Восемнадцатый день – ни корки,
Терпеливо несём эту кару:
Вот вчера доели опорки,
А сегодня сварили гитару.

Пожевав сосновых иголок,
Восемнадцатый вечер подряд
Распеваем: «Крепись, геолог!
Ты солнцу и ветру брат».

И, присев у костра на корточки,
Вместо завтрака, вместо ужина,
Я смотрю на твои фотокарточки,
Это всё, что сейчас мне нужно.

Ты теперь далеко-далёко,
И меня, конечно, забыла.
Поправляя небрежно локон,
Ты с другим беседуешь мило.

Ну а я лишь зубами скрипну,
У меня другая забота.
Всё равно я, наверно, погибну,
Что ж поделать, такая работа.

Всё болото, болото, болото,
Восемнадцатый день болото,
Начинается сыпь и рвота,
Повторяю: такая работа.

Тяжело по тайге пробираться,
А голодному – бесполезно.
Мы пытались поужинать рацией,
А она оказалась железной.

Мы мужчины, не потому ли
Мы упрямо идём к своей цели.
Правда, двое на днях утонули,
А четвёртого, толстого, съели.

Эй, друзья, веселей хромайте-ка!
Пусть наш путь никогда не кончится.
Нас ведёт за собой романтика!..
Только жалко, что кушать хочется.

И пускай мы живучи весьма,
Всё равно не стоит трудиться.
С «Неотправленного письма»
Есть у нас такая традиция:

Голодать, наряжаться в рвань,
Тосковать, помирать без счёта...
В общем так: наше дело – дрянь.
Что ж поделать, такая работа!

Ундины
(р. Толька, верховья р. Таз, 1962 год)

Товарищ мой, Валерий К.,
Матёрый инженер-геолог,
Учил меня всему слегка:
Грести, брести по тундре, полог
Сооружать от комаров,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.